

УДК 130.2:316.346.2

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ГЕНДЕРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД****С.С. ХУДАРГАНОВА***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Представлен анализ взаимосвязи между моделями гендерных ролей и социокультурными изменениями в советском обществе в периоды, последовавшие за ключевыми историческими событиями (Октябрьской революцией, Великой Отечественной войной). Анализ исторических, политических, экономических и социокультурных условий формирования гендерных ролей в советском государстве позволил выделить ряд особенностей культурно-исторического, национального и личностного характера. Определены основополагающие причины процессов эмансипации, либерализации и возврата к патриархальности в отношениях между полами в СССР: социально-экономические и демографические проблемы послевоенного времени; проведение целенаправленной политики, поощряющей совмещение женщиной производственной и воспроизводственной функций для стимулирования рождаемости и восполнения трудовых ресурсов.

При исследовании вопроса о динамике развития гендерной самоидентификации необходимо учитывать культурно-исторический период развития конкретного государства ввиду того, что модели гендерных ролей напрямую зависят от социокультурных, экономических и политических процессов, происходящих в нём в определённые периоды его развития. Гендерная роль определяется как дифференциация деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от их половой принадлежности [1, с. 7].

Рассматривая вопрос о гендерных ролях в странах постсоветского пространства, Л.Ю. Бондаренко выделяет три периода. Первый, с 1917 года до начала перестройки (1985 г.), когда равенство мужчин и женщин было закреплено в конституции. Вторым периодом, начавшийся после 1985 года, характеризуется развенчанием мифа о равенстве мужчин и женщин, а также появлением в средствах массовой информации материалов, посвящённых проблемам дискриминации женщин на работе и насилия в семье. Третий период начался после 1991 года в связи с переходом к рыночной экономике и распадом СССР [2, с. 186].

Основная часть. Начало первого периода можно соотнести с Октябрьской революцией, повлекшей за собой разрушение институтов религии и частной собственности, на которых веками держалась семья. Появились новые концепции взаимоотношений полов в семье и обществе, берущие начало в большевистской идеологии. Придя к власти, большевики первыми же декретами предоставили женщине новой Страны Советов всю полноту формально-юридических прав и свобод. Наиболее последовательной сторонницей идей равноправия женщин была известная теоретик и практик женского пролетарского движения А.М. Коллонтай, которой принадлежит серия работ о необходимости и неизбежности перестройки отношений между полами в новом социалистическом обществе [3, с. 151]. Коллонтай считала отчуждение женщины от участия в коллективном труде и её уход в домашнюю сферу деятельности главными причинами подчинённого положения. Поэтому массовое возвращение женщин в сферу коллективного труда, по её мнению, должно было способствовать освобождению женщины. Развивая марксистскую идею освобождения женщины путём вовлечения её в общественное производство, Коллонтай дополняет её развернутой стратегией обобществления домашнего труда, ликвидации индивидуального домашнего хозяйства, «отделения брака от кухни» и передачи государству значительной части материнских функций. Причем материнство сводится здесь исключительно к биологическим функциям деторождения и кормления, а функция социализации практически полностью передается государству, т.е. не родители, а общество несёт основную ответственность за воспитание ребенка. Государство должно было снять заботу о быте советской женщины, освободить её от груза домашнего труда за счёт создания широкой сети столовых, прачечных, детских садов и других составных частей развитой социальной инфраструктуры; «освобождённая женщина» была обязана в свою очередь заняться трудом «общественно-полезным» [4, с. 132].

Изменению концепции взаимоотношений полов способствовало принятие ряда нормативных документов. Декрет о расторжении брака (19 декабря 1917 г.) и Декрет о заключении гражданского брака (20 декабря 1917 г.) стали важнейшей вехой в реформировании семейно-брачного законодательства в советской России. При непосредственном участии Коллонтай разрабатывается, а затем и принимается Постановление об организации отдела по охране материнства и младенчества, в котором впервые в истории российского законодательства было сформулировано, что охрана материнства и младенчества становится важнейшей функцией государства, а не только личным делом граждан или филантропией [5, с. 24]. В 1918 году при участии Коллонтай составляется «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [6], которым предоставлялись равные права обоим супругам. Впервые женщина, вступающая в брак, могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами, а в случае развода в равной степени претендовать на семейную собственность. Новый брачный закон не отменял традиционных церковных церемоний, но

лишал их права легализации брачного состояния. Отныне законной считалась лишь гражданская регистрация, причем как церемония бракосочетания, так и процедура развода значительно упрощались. Данный закон отменял также понятие «незаконнорожденный ребенок» – как рождённые в браке, так и вне брака приобретали одинаковые права.

Как отмечает Т.А. Гурко, советская Россия была первым государством в мире, провозгласившим в Конституции 1918 года юридическое равноправие мужчин и женщин во всех сферах социальной жизни [7, с. 161]. Первый советский закон о браке и семье был признан самым революционным в мире.

Тем не менее после окончания гражданской войны широко распространённым становится брачное сожитие без официальной регистрации, чему способствовали объективные факторы: во-первых, людские потери в первой мировой и гражданской войнах существенно нарушили соотношение полов: процент женщин в 1920-е годы в населении РСФСР составил 55,1 %, а мужчин – 44,9 % [8, с. 79]; во-вторых, новое семейно-брачное право заметно упростило требования к вступающим в брак и желающим его расторгнуть, что и вызвало рост повторных браков. Кроме того, до 1917 года большинство браков заключалось по воле и согласию родителей, чего уже не требовалось после революции.

По мнению Т. Осипович, такой прогрессивный закон в отсталой, разрушенной революцией и гражданской войной России был явно преждевременен. Как и раньше, женщина была менее образованна, зарабатывала меньше мужчины и значительно больше была загружена домашним хозяйством. Экономическая зависимость от мужчины и традиционный взгляд на роль матери и жены делали женщину жертвой новых законов. Приобретая «бумажную» свободу в браке, женщина оказывалась в реальных трудностях в результате легко получаемого развода. Как правило, она оставалась с ребенком на руках, без профессии и без материальной поддержки со стороны мужа. Государство могло лишь мечтать о будущих бесплатных детских садах и общественных кухнях, но на деле взять под свою защиту всех одиноких матерей не имело возможности [9, с. 162].

Белорусская ССР как составная часть СССР также была ярким примером социокультурной среды, в которой объявлялось о полном юридическом равенстве женщин с мужчинами в общественной и семейной жизни, однако положение о равных правах как на рабочем месте, так и в семье чаще существовало только теоретически. Постановление «женских вопросов», их содержание в годы советской власти определялось прежде всего исходя из задач социалистического строительства, а не из специфических интересов самих женщин [10].

По мнению Т.Ю. Журженко, новая власть была заинтересована в экономической и политической мобилизации женщин. В условиях послевоенной разрухи советское государство нуждалось в дополнительных трудовых ресурсах, а женская рабочая сила была более дешёвой и дисциплинированной. В то же время столкнувшись с большими человеческими потерями в ходе мировой и гражданской войн страна оказалась перед проблемой катастрофической убыли населения и, соответственно, перед необходимостью стимулирования рождаемости. Результатом этих противоречивых тенденций стала политика, поощряющая совмещение женщиной производственной и воспроизводственной функций под прямым контролем и патерналистской опекой государства. Так были заложены основы «гендерного контракта» работающей матери, характерного для всех стран государственного социализма [11, с. 34]. По объёму применения женского труда в 1930-е годы СССР значительно опередил крупнейшие индустриальные страны мира. При этом показатель численности женщин в составе рабочих и служащих в БССР, составлявший в 1940 году 40 %, был даже выше, чем в среднем по СССР. Государственная пропаганда преподносила этот факт как «стремление женщин быть полезными своей социалистической Родине» [10].

В середине 30-х годов по итогам проведённой переписи населения и полученных данных о численности людей, умерших в результате коллективизации, голода, и репрессий, государством начинается осуществление политики, направленной на стабилизацию брака и повышение рождаемости. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР принимают Постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным семьям, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за невыплату алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортax» [12]. Государственная поддержка материнства стала одним из приоритетов внутренней политики. В дополнение к мерам по увеличению рождаемости был повышен подоходный налог с холостяков, одиноких и малосемейных граждан: с двадцатилетнего возраста при отсутствии детей для обоих полов (до 50 лет для мужчин и 45 лет для женщин) он исчислялся в размере 6 %, а при наличии одного и двух детей – соответственно 1 и 0,5 % [13]. Законодательные документы 1935 – 1936 годов предусматривали также санкции против разводов.

В 1936 году была принята Сталинская конституция, официально провозгласившая равноправие женщин в СССР: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдыха, социальное страхование и образование, государственной охраны интересов матери и ребенка, государственной помощи многодетным и одиноким матерям, предоставление женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [14, ст. 122].

В Конституции также подчёркивалось, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Вторая мировая война привела к невосполнимой потере огромной части мужского населения – в 1946 году преобладание женщин было 56,4 % против 43,6 % мужчин, причём диспропорция в соотношении полов сохранялась и в начале 1950-х годов [15, с. 105]. Ещё в ходе войны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». В указе также провозглашалось, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов» по закону. В паспорте делалась особая пометка «семейное положение», где указывалась фамилия, имя и отчество супруга, его год рождения, время и место регистрации брака [16].

Несмотря на прецедент исключительности зарегистрированного брака, следует отметить, что закон не ущемлял в правах матерей-одиночек, рассматривая их как реальную дополнительную возможность повышения рождаемости. Закон предоставлял матерям-одиночкам все права и, сверх того, дополнительные виды помощи [3, с. 160].

Женская самоотдача и самоотверженность в СССР были ресурсом, активно способствующим удешевлению производства как в масштабах страны, так и на уровне семейной экономики. Именно апелляция к жертвенности женщин, к их добровольному отказу от реализации их индивидуальных потребностей (во имя «государства», «нации» и т.п.) становилась условием ограничения ассигнований на сферу социальной защиты и здравоохранения, неразвитости сферы услуг и рынка товаров [17, с. 68].

Как отмечает В.А. Суковатая, «женщины воспитывались в убеждении, что высшей ценностью их существования являются интересы какой-то внешней по отношению к ним институции – семьи, рода, общества; всей окружающей обстановкой женщинам внушалось, что женский внутренний мир сам по себе не имеет ценности, что ценность женщины состоит в её «хозяйственной», «родильной» или сексуальной способности». Исследовательница называет такое поведение, включающее «высокое чувство долга», жертвенность, абсолютное принятие власти, экспроприровавшей не только общественную, но и частную жизнь индивида, «дисциплинирующими практиками» [17, с. 71 – 72].

По мнению М.М. Малышевой, тяжёлый физический труд женщин с низкими заработками в соединении с предвоенным пересмотром законодательства повлек за собой откат от революционного либерализма к патриархату и, таким образом, к беспрецедентной эксплуатации женщин в конце 40-х и в 50-е годы. Режим использовал женщин для того, «чтобы заполнить брешь, образовавшуюся на месте отсутствующих мужчин» [18].

Период 50-х – 60-х годов был, вероятно, наиболее противоречивым в определении места женщин в обществе. Как и ранее, ожидалось, что они будут «активными строителями коммунизма», был создан миф о «суперженщине», которая могла бы «осуществлять великие научные открытия» и «рожать детей одного за другим». Этот тщательно проработанный средствами массовой информации миф воздействовал на целое поколение женщин, которые старались соединить несоединимое, пытались реализовать всё, что от них требовалось [19].

Экстенсивные формы развития экономики в тоталитарном советском государстве предопределили стремительный рост количества женщин в составе рабочей силы. Уровень занятости женщин в составе рабочей силы поднялся до 50 % и оставался таковым на протяжении 40 лет. Профессиональный труд, становившийся не исключением, а нормой для подавляющего большинства женщин, превращал их в членов не только семейного, но и трудового коллектива. Круг их интересов уже не ограничивался заботами о доме, семье, детях, а распространялся на дела производственные и общественные. Женщина утверждалась в своей экономической самостоятельности. Доступность образования способствовала освоению сложных профессий, что позволяло осваивать новые сферы трудовой деятельности [20].

Статистика свидетельствует, что в 60-е годы доля женщин в общей численности специалистов с высшим и средним образованием превосходила соответствующий показатель у мужчин и постоянно увеличивалась. Так, в 1960 году она составляла 59 % и сохранялась на уровне 60 % вплоть до 1985 года [21, с. 68].

Однако очевидные достижения не снижают остроты проблем, имеющих в сфере профессиональной занятости женщин, феминизации тех профессий, производств и отраслей, где труд наименее механизирован, отличается невысокой сложностью, нередко оказывается физически тяжелым, носит преимущественно исполнительский характер, а его оплата существенно отстает от средней по народному хозяйству, где ограничены возможности продвижений по службе, участия в управленческой деятельности. При этом, по мнению Г.Г. Силласте, социальное неравенство в отношении женщин (неравная оплата за равный с мужчинами труд, запреты на многие профессии, ограничения при приеме на работу и иные притеснения) часто трактовалось как система льгот, как проявление государственной заботы о женщинах, учитывающее «биолого-физиологические особенности женского организма» [22, с. 5].

По мнению О.И. Чесноковой, политика большевистского государства не была направлена на уравнивание в правах женщин и мужчин, она подразумевала освобождение женщин от власти патриархальных семейных отношений с тем, чтобы подчинить женщин, как и мужчин, власти государства. Мужчины и

женщины рассматривались только как «трудовой человеческий материал» для достижения великих задач, потому что только коллективизм рассматривался как путь к совершенству. Роль личности сводилась к функции «винтика» в хорошо отлаженном механизме «коллективного тела» [17, с. 70]. В 70-е годы уже не возникало необходимости в столь широком вовлечении женщин в производство, поэтому главное внимание стало уделяться рождению детей и образованию. Таким образом, был сформирован определенный тип гендерной культуры: большое количество работающих женщин, воспринимающих и свою работу, и свое материнство как выполнение обязанностей перед государством [23, с. 120].

С того момента, отмечает И.С. Клецина, когда внедомашний оплачиваемый труд женщины превратился из вынужденной необходимости в массовое общественно одобряемое явление, стали изменяться традиционные внутрисемейные отношения. Предполагалось, что если женщина взяла на себя выполнение функций по материальному обеспечению семьи, то мужчина возьмет на себя функции, связанные с домашним хозяйством. То есть и мужские, и женские обязанности не будут жестко привязаны к полу, а будут выполняться супругами поровну [1, с. 60].

Напротив, в советском обществе прочно укоренилось представление о традиционном разделении обязанностей по хозяйству, где мужчина обеспечивает семью средствами для жизни, а женщина занята домашней работой, детьми. Подобное отношение к ролевому поведению мужчин и женщин в семье, передаваясь из поколения в поколение, образовало устойчивый стереотип, благодаря которому основная, если не вся, работа по обслуживанию семьи всё еще лежит на плечах женщин. К тому же правовая система Советского государства прочно увязывала семью с женщиной, а семейная политика изобиловала различного рода льготами, направленными работающей матери. Политика, право, нравы как бы «пригвоздили» именно женщину быть ответственной за всё происходящее в семье [20].

Развод стал считаться признаком «моральной неустойчивости» гражданина. Он влёл за собой неприятные последствия, административные или партийные взыскания, исключение из партии, что означало конец любой карьеры. Эти обстоятельства, с одной стороны, резко ускорили процесс институционализации советской семьи, а с другой – скорректировали гражданский статус женщины. В обмен на признание её свободы и равенства государство отныне ожидало от женщины исполнения не только ролей труженицы и матери, но и основной воспитательницы своих детей, хранительницы советской семьи, верной жены, берущей на себя всё бремя забот о доме. Таким образом, государство легализовало «двойную нагрузку», которую и без того уже несла «свободная и равноправная» гражданка [24]. Более того, в СССР не практиковались различные формы совместной опеки над ребенком после развода, такие как частичное проживание либо с матерью, либо с отцом, принятие важных решений, касающихся ребенка, с участием отца. «Одинокое» отцовство и совместная опека после развода – явление, известное на Западе [25, с. 91 – 92]. Развод супругов обычно означает и развод детей с отцом, что можно квалифицировать как отсутствие культуры «родительства после развода». В советское время такое понятие, как отцовство, было весьма слабо представлено в общественных рассуждениях, всплывая только «в крайних случаях лишения родительских прав» [26, с. 154].

Перечисленный комплекс проблем, затрагивающих обе сферы трудовой активности женщин – производственную и домашнюю, привёл к дисгармонии профессиональных и семейных ролей, столь важных для женщин, значимых для семьи и общества в целом, обусловил появление острой социальной проблемы «двойной занятости», касающейся работающих женщин, имеющих семью и воспитывающих детей [27]. Именно «материнская обязанность», утверждает Т.А. Гурко, выступает основным аргументом дискриминации женщин и разделения труда по признаку пола в социальной сфере, «распространяясь по инерции даже на женщин, не имеющих детей, или тех, которые эти обязанности уже выполнили» [25, с. 91]. Мать отвечает за рождение и воспитание детей, за быт семьи, несет на себе весь домашний труд, и, помимо этого, материально поддерживает семью своей зарплатой. В большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно, чтобы обеспечить даже минимальный прожиточный уровень, поэтому втягивание женщин в общественное производство диктовалось не только потребностями их «эмансипации» [24].

Тартаковская И.Н. описывает отношения советской женщины с советским государством как негласный договор, направленный на контроль над мужчинами. Она выделяет характерные ему признаки: политизация и сакрализация материнства при относительном пренебрежении роли отца; использование женщины как своего рода дисциплинирующей силы в борьбе за культурную трансформацию мужчин (борьба против пьянства, измен и т.п.) [27].

В конце 70-х годов 92 % советских женщин трудоспособного возраста работали вне дома. Повсеместная занятость женщин профессиональной деятельностью способствовала созданию мифа о равенстве женщин и мужчин в Советском Союзе. Действительно, по формальным параметрам профессиональные роли женщин приблизились к профессиональным ролям мужчин [1, с. 59]. Однако государство не сумело обеспечить женщинам условия для совмещения им же предписанных ролей – «труженицы» и «матери». Дом и быт были высоким барьером, не позволявшим основной массе женщин реализовать себя в профессиональной сфере. Господствующий в экономике принцип приоритетности одних направлений перед другими, сказавшийся, в частности, на крайне низком уровне развития отраслей, призванных удовлетворять повседневные потребности человека, не привели к созданию такой системы социально-бытовых услуг, которая могла бы взять на себя наиболее трудоемкие работы по обслуживанию семьи,

равно как и обеспечить достойные человека условия труда в домашнем хозяйстве [20]. Кроме того, сохранилось традиционное разделение труда между полами, предполагающего, что мужчине принадлежит «большой» мир – мир политики, управления обществом; женщине – дом, семья [24].

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века наблюдается проявление интереса к развитию гендерных исследований на Западе. Экономические и политические реформы, начавшиеся в СССР, а затем продолженные бывшими советскими республиками, считает Т.Ю. Журженко, привели к перераспределению функций между семьёй, государством и рынком [11, с. 37]. Политические, экономические и социокультурные трансформации этого времени можно считать главными факторами, повлиявшим на возникновение гендерных исследований в социально-гуманитарных науках.

Заключение. Изучение проблемы гендерных ролей находится в непосредственной связи с различными областями гуманитарного знания, такими как история, социология, культурология, по причине необходимости учитывать социокультурные и культурно-исторические особенности развития определённой страны. Проанализировав исторические, политические, экономические и социокультурные условия формирования гендерных ролей в советском государстве, можно выделить ряд особенностей культурно-исторического, национального и личностного характера, свойственных ценностным ориентациям советских граждан:

- многовековой патриархальный уклад отношений в обществе сформировал устойчивое мнение относительно второстепенной роли женщины;

- концепция равенства полов, лежавшая в основе новой большевистской идеологии, хотя и способствовала позитивному изменению социокультурной роли женщин в СССР, однако политические события того времени (война, репрессии, голод) повлекли за собой экономические трудности, в результате которых можно констатировать не улучшение положения женщин, а его усугубление – равенство полов в производственной сфере деятельности в послевоенное время привело к использованию женщин на производстве в качестве дополнительного трудового ресурса для восполнения экономических убытков. Система социальных льгот женскому населению была использована для восполнения убыли населения в военное время и повышения уровня рождаемости;

- создание государством видимости поощрения производственной и воспроизводственной функций женщин вкпе с личностными характеристиками жителей СССР (жертвенностью, чувством долга), несовершенством сферы бытовых услуг, невозможностью обеспечить потребности семьи на одну мужскую зарплату – всё это нашло отражение и проявилось в гендерном «контракте» работающей матери: при провозглашённом равенстве полов домашняя и воспитательная нагрузка, как и ранее, оставались за женщиной, к чему добавилась занятость на производстве с второстепенным положением не только дома, но и на работе. Тем самым мы наблюдаем, парадоксальность в отношении равенства полов в советском обществе: в условиях официально пропагандируемого равенства полов на практике происходит постепенный откат к патриархальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клецина, И.С. Гендерная социализация / И.С. Клецина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 92 с.
2. Бондаренко, Л.Ю. Мир, в котором мы живем. Ролевые сходства и различия между российскими и американскими женщинами / Л.Ю. Бондаренко // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 3. – С. 184 – 188.
3. Котовская, М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты / М.Г. Котовская. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 358 с.
4. Айвазова, С. Идеи истоки женского движения в России / С. Айвазова // *Общественные науки и современность*. – 1991. – № 4. – С. 125 – 133.
5. Постановление КПСС и Советского Правительства об охране здоровья народа / Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. Н.А. Семашко М-ва здравоохранения СССР. – М.: Медгиз, 1958. – 338 с.
6. Семейный Кодекс 1918 года. Раздел 2. Брачное право [Электронный ресурс] / Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве. – Режим доступа: <http://www.7ya.ru/article/Semejnij-Kodeks-1918-goda-Razdel-2-Vrachnoe-pravo/>. – Дата доступа: 05.02.2011.
7. Гурко, Т.А. Социология пола и гендерных отношений / Т.А. Гурко // *Социология в России* / под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ин-т социологии РАН, 1998. – 696 с.
8. Вишневский, А.Г. Эволюция брачности и рождаемости в советский период / А.Г. Вишневский, М.С. Тольц // *Население СССР за 70 лет*. – М.: Наука, 1988. – 214 с.
9. Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов / Т. Осипович // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 1. – С. 161 – 171.
10. Женщины Беларуси в зеркале эпохи // Публикации ООН. Тематические издания. Женщины [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://un.by/print/publications/thema/belwomen>. – Дата доступа: 20.11.2010.
11. Журженко, Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории / Т.Ю. Журженко // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 27 – 40.

12. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 (извлечение) о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах // Законы России [Электронный ресурс]. – 2007. Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a242x337.htm. – Дата доступа: 16.01.2011.
13. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР / под ред. С. Брагусь [и др.] // Советский юридический словарь [Электронный ресурс]. – 1953. – Режим доступа: <http://determiner.ru/dictionary/630/word/>. – Дата доступа: 16.01.2011.
14. Конституция СССР 1936 года: принята 05.12.1936 [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа: 20.09.2011.
15. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. / отв. ред. изд. акад. РАН Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН. – 2001. – Т. 2: 1940 – 1959; отв. ред. В.Б. Жиромская. – 416 с.
16. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия-звания «Матеро-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.: с изм. и доп. от 5 марта 1991 г., 24 августа 1995 г.: текст по состоянию на 7 мая 1986 г. // Законодательные и нормативные акты России [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://jurbase.ru/texts/sector176/tez76140.htm>. – Дата доступа: 20.02.2011.
17. Суковатая, В.А. Гендерная идентичность и конструирование памяти кризисных моментов истории: женские стратегии выживания / В.А. Суковатая // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 2. – С. 67 – 95.
18. Малышева, М.М. Идентификация женщин в послевоенной и посткоммунистической России / М.М. Малышева // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования [Электронный ресурс]. – 1996. – М.: Ин-т социологии РАН. – С. 276 – 297. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/malysheva1r-e.htm>. – Дата доступа: 27.01.2011.
19. Malysheva, M. The Politics of Gender in Russia / M. Malysheva // Women's Voice in Literature and Society; eds. V. Allison, A. – White Bradford occasion al papers: Bradford University. – 1992. – № 11. – P. 78 – 79.
20. Груздева, Е.Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей: проблемы и пути их решения // Интеграция женщин в процесс общественного развития. [Электронный ресурс]. – 1994. – М.: Луч. – Ч. 2. – С. 321 – 356. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/gruzd1r.htm#>. – Дата доступа: 27.01.2011.
21. Тенденции социокультурного развития России. 1960 – 1990 гг. / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М.: РИК РАН. – 1996. – 507 с.
22. Силласте, Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория / Г.Г. Силласте // Социс. – 2000. – № 11. – С. 5 – 15.
23. Чеснокова, О.И. Феномен пола в современной культуре (Философско-культурологический анализ): моногр. / О.И. Чеснокова. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 176 с.
24. Фомина, А.А. Феминизм в эпоху информационной глобализации / А.А. Фомина // Гендерные стереотипы в современной России: Интернет-конференция [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/16209421/print.html>. – Дата доступа: 18.11.2010.
25. Гурко, Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства / Т.А. Гурко // Социс. – № 11. – 2000. – С. 90 – 97.
26. Конусов, Ю.А. Возможность компенсации негативных последствий развода для детей / Ю.А. Конусов // Семья как объект социальной политики. – М.: ИСИ АН СССР, 1986. – С. 153 – 164.
27. Тартаковская, И.Н. Становление современной российской гендерной системы / И.Н. Тартаковская // Публикации МЦГИ [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.gender.ru/russian/training/mcgi/basesofgenstud/2004/topic02/05.shtml>. – Дата доступа: 27.01.2011.

Поступила 20.02.2012

SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF THE GENDER IDENTIFICATION IN SOVIET SOCIETY

S. HUDARGANOVA

The interrelation between gender roles models and socio-cultural changes in Soviet society during the period which followed crucial historical events such as October revolution and Great Patriotic War is analyzed in the article. The main reasons of emancipation and liberalization processes as well as return to patriarchal relations between sexes in the USSR are pointed out. They are: socio-economic and demographic problems of postwar time, state policy approving of woman's ability to combine both productive and reproductive functions for demographic stimulation and replenishment of labour resources.